

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, социологии и международных отношений
Центр славянских исследований

**БЕЛОРУСЫ И БЕЛАРУСЬ
В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ РОССИЯ, ЗАПАД,
СЛАВЯНСКИЙ МИР:
вопросы идентичности, историко-культурных связей и
международных отношений**
Материалы Международной научно-практической конференции

Краснодар
2017

УДК 94(476):327.58
ББК 63.3:71.41 (4 Бел)
Б 437

Редколлегия: *Э.Г. Вартамян*, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.); *А.В. Ващенко*, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета; *О.В. Матвеев*, доктор исторических наук, профессор (науч. ред., сост.)

Рецензенты:

А.Л. Факторович, доктор филологических наук, профессор
Н.И. Бондарь, кандидат исторических наук, профессор

Б 437 Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы Международной научно-практической конференции / Науч. ред, сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2017. – 321с Тираж – 100 экз.

ISBN978-5-91883-292-9

В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. Представленные работы ученых России, Беларуси и Украины посвящены проблемам национальной идентичности белорусов, международных отношений, политическим, экономическим, культурным связям славянских народов и их соседей, взаимным представлениям. Сборник адресуется славяноведам, преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений культуры.

УДК 94(476):327.58
ББК 63.3:71.41 (4 Бел)
Б 437

ISBN978-5-91883-292-9

© Коллектив авторов, 2017

А.П. Житко(г. Минск, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В результате трех (1772 г., 1793 г., 1795 г.) разделов Речи Посполитой белорусские земли были включены в состав Российской империи. Высшее сословие присоединенных территорий (шляхта) должно было присягнуть на верность российской короне и тем самым влиться в состав дворянства России. В 1858 г. в 5 северо-западных губерниях насчитывалось 200 626 потомственных дворян (4,5 % от всего населения). В том числе в Виленской губ. – 51,1 тыс., Витебской – 25,6, Гродненской – 37,0, Минской – 54,6 и Могилевской – 32,4 тыс. чел. Как видим, наибольшее количество дворян было сгруппировано в Минской губ., а наименьшее – в Витебской [1].

В то же время в 50 губерниях Европейской России проживали 611 973 потомственных дворянина, удельный вес которых среди населения составлял только 1,0 %. Таким образом, в белорусских губерниях была сконцентрирована почти третья часть высшего сословия Европейской России, а точнее – 32,8 % [2].

Однако, с 1863 по 1867 г. произошло значительное сокращение численности потомственных дворян (143,7 тыс. чел.) на всей территории Европейской России. Попытки объяснить такое явление предпринимались еще в дореволюционной историографии. Одни авторы считали, что в действительности никакого сокращения не произошло, а колебания цифровых данных вызваны техническими ошибками при обработке первичных материалов. Другие исследователи причины уменьшения количества дворян видели в буржуазных реформах, повлиявших на положение сословия и его общественный престиж [3].

Однако, как справедливо заметил исследователь российского дворянства А.П. Корелин, на самом деле с 1863 по 1867 г. никакого сокращения численности потомственных дворян не происходило, а наоборот, она несколько увеличилась, за

исключением 9 западных губерний. Действительно, количество высшего сословия в 9 западных губерниях за эти годы уменьшилась на 161 294 чел. Из них на долю 5 северо-западных губерний приходилось 107 787 чел. [4]. Таким образом, главные потери понесло высшее сословие Беларуси, которое активно участвовало в восстании 1863–1864 гг.

Но главное, что повлияло на уменьшение численности потомственного дворянства в Беларуси, – это указ от 23 сентября 1864 г., по которому шляхта, не имевшая свидетельств о дворянском достоинстве, переводилась в податные сословные группы – мещан или крестьян.

Таким образом, не ошибки при обработке первичных материалов и не буржуазные реформы, а политика самодержавия явилась основной причиной сокращения до 1867 г. почти вдвое дворянства Беларуси. Наибольшие потери понесло высшее сословие Гродненской губ. С 1863 по 1867 г. его количество уменьшилось почти в 3 раза [5].

С 1870 г. относительно 1867 г. наблюдалась стабилизация количества потомственных дворян. В это время репрессии утихли, а шляхта, не имевшая удостоверений, окончательно была записана в податные сословия. А. П. Корелин утверждал, что для подсчетов числа потомственных дворян самым “надежным источником является Первая всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная 28 января 1897 г.” [6].

Однако детальный анализ переписи показывает, что она не может использоваться как объективный источник при определении количества потомственных дворян, особенно на территории Беларуси. Дело в том, что во время переписи выявление сословной принадлежности проводилась путем личного опроса. Поэтому значительная часть белорусской шляхты, не имевшая юридических свидетельств о дворянском происхождении, записалась в высшее сословие. Это подтверждает анализ данных губернских статистических комитетов и результатов переписи. Так, по подсчетам Виленского статкомитета в 1896 г. в губернии проживало 52 787 потомственных дворян, а по переписи на 28 января 1897 г. – уже

70 640 чел. В Минской губ. соответственно 54 322 и 70 974. То же самое было характерно и для других губерний.

Учитывая все эти нюансы, число потомственных дворян в 1897 г. в 5 северо-западных губерниях можно приблизительно определить следующим образом. От итоговой цифры по переписи отнимем разницу данных губернских статкомитетов и получим $204\,963 - 53\,042 = 151\,921$ чел. Учитывая количество незаписанных в родословные книги приблизительно в 5-10 тыс. чел., можно констатировать, что в 1897 г. в 5 северо-западных губерниях проживало около 157-162 тыс. потомственных дворян. Остальные 40-45 тыс. – это бывшая шляхта, переведенная в податные сословия.

Не менее сложно установить и количество личных дворян. Дело в том, что основным источником при подсчетах для ЦСК являлись ежегодные полицейские ведомости. Сюда, с одной стороны, включались сведения о личных дворянах с семьями (как известно, дети личных дворян не принадлежали к высшему сословию), а с другой – в эту же графу записывали и классных чиновников также с семьями. Вычленить собственно личных дворян и чиновников без семей практически невозможно.

В 1858 г. в 5 северо-западных губерниях проживало 19 947 личных дворян и классных чиновников с семьями. Их количество, за исключением 60-х гг., постепенно увеличивалось и составило в 1897 г. 36 006 чел., либо на 180,5 % больше по сравнению с 1858 г. [7]. Колебания численности личных дворян и чиновников с 1863 по 1870 г. были связаны с восстанием 1863–1864 гг., когда на смену местной администрации были присланы чиновники из внутренних районов России.

В то же время увеличение количества личных дворян и чиновников в белорусских губерниях с 1858 по 1897 г. (в 1,8 раза) было гораздо меньшим, чем в 9 русских (примерно в 4 раза). Это было вызвано тем, что в конце 50-х гг. в Беларуси было сконцентрировано от 1,9 до 4,9 тыс. личных дворян и чиновников на губернию, в то время как в русских губерниях – от 1,0 до 2,5 тыс. чел. [8].

Рост личных дворян в Беларуси в указанный период имел ту особенность, что происходил в основном за счет выходцев из российских губерний, а темпы этого роста уступали

общероссийским показателям более чем в 2 раза. К тому же подавляющее большинство личных дворян и классных чиновников проживало в городах.

Вопрос о вероисповедании белорусского дворянства не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Он несет на себе не только религиозный, но и политический, социально-экономический и культурно-национальный оттенок. Религиозный аспект заключался в том, что высшее сословие Беларуси было расколотым на две основные части – православную и католическую, что не способствовало его консолидации.

Социально-экономические последствия этого разделения выразились в ликвидации самодержавием с начала 60-х гг. XIX в. органов сословного дворянского самоуправления в крае. Кроме этого, в отношении дворян-католиков царское правительство проводило репрессивную экономическую политику и т. д.

Конфессиональное разделение высшего сословия Беларуси тесно связано с выявлением национальной принадлежности. Дело в том, что русская администрация, как и великодержавная русская и польская историографии, упорно, не взирая на действительность, неправомочно относили православных дворян края к русским, а католиков – к полякам.

Вместе с тем дворянство Беларуси, как и католические священники, было самой высокообразованной частью белорусского общества. Поэтому неслучайно, что именно оно рекрутировало из своего окружения национальную интеллигенцию. А как доказывает исторический опыт, только интеллигенция может придать движению за социальное и национальное освобождение целенаправленный характер.

Другое дело, что к началу XX в. круг этих людей был не слишком широким, что другие слои белорусского общества (крестьяне, рабочие, промышленники и купцы) только начали пробуждаться, осознавать себя не столько местными, сколько белорусами.

В связи с этим ясно, почему царские власти закрыли все высшие учебные заведения в крае, ввели ограничительные законы для приобретения высшего образования дворянами-католиками, высылали их за пределы Беларуси. Цель – устранить

потенциальный национальный сепаратизм (с точки зрения русских властей) белорусского высшего сословия.

Среди официальных властей все время существовала путаница по вопросу, кого же понимать под терминами “русские дворяне”, “русского происхождения”, “непольского” и “польского происхождения”. Это непонимание переносилась и в статистические подсчеты, поэтому данные даже за один и тот же год отличаются, что вызывает трудности в определении и национальной принадлежности дворян. Так, в 1878 г. Игуменский предводитель дворянства представил список дворянства уезда православного вероисповедания. Их количество составило 198 чел. Среди них был и 1 протестант (князь Виттгенштейн), и 1 реформатор Грабовский. Однако губернский предводитель дворянства на титульном листе списка отметил: “Дайте список землевладельцев русского происхождения”. В повторном списке значился только 41 чел. Сюда вошли великороссы православного вероисповедания. Видно, остальные 157 чел., за исключением Виттгенштейна и Грабовского, были православными белорусами [9].

Впервые термин лица “польского происхождения” встречается в законе от 10 декабря 1865 г., по которому им запрещалось приобретение земли в 9 западных губерниях всяким иным путем, кроме наследия. Буквальный смысл этого термина означал принадлежность к польской национальности. Однако насчет того, кто в Западном крае является поляком – или только поляк, выходец из Царства Польского, или это и местные дворяне католического вероисповедания, причислявшие или же нет себя к соответствующей коренной национальности, – об этом в законе ничего не говорилось [10].

С течением времени в административной практике просматривалось отождествление понятий “польское происхождение”, “римско-католическое вероисповедание” и поляк по национальности. По сути всех белорусских дворян-католиков подвели под термин “лицо польского происхождения”. Только в конце 1904 г. Святополк-Мирский, который был назначен министром внутренних дел, а до этого являлся Виленским генерал-губернатором, сделал попытку уравнять в

правах местных дворян-католиков 9 западных губерний с русским дворянством. В записке, подготовленной его ведомством, в частности, говорилось: “В то время, как задача правительства в отношении Западного края должна была бы иметь целью разъединение понятий, или, более точно, явлений католицизма и полонизма, другими словами, развитие в сознании местного населения мысли, что оно хотя и католическое, но не польское...”, наши законы стараются убедить непольские народности в том, “что раз они католики, то есть и поляки” [11].

Понятно, что такой подход был вызван политическими мотивами, а не просто личным мнением министра. Накануне революции обострился национальный вопрос, многие партии выступили с требованием права на национальное самоопределение нерусских народов. Усиливалось и польское национальное движение за независимость и государственность в границах 1772 г. Заявила о себе и Белорусская социалистическая громада.

Поэтому в качестве обоснования своей позиции МВД сделало следующий вывод: “Содействие в современный момент развитию самосознания непольских народностей в Западном крае путем расторжения по отношению к ним существующих ограничений является задачей правительства, потому что самосознание это... способствует решению вековой борьбы в крае с полонизмом, которому разбуженные мелкие народности, болезненно относящиеся к своей самобытности, нанесут последний удар” [12].

Хотя МВД и предложило уровнять в правах всех дворян-католиков Западного края с русским высшим сословием, однако Кабинет Министров, который разрабатывал законопроект по этому вопросу, ввел определенные ограничения.

Так, даже по закону от 1 мая 1905 г. процедура выявления национальности дворян-католиков оставалась сложной. Например, чтобы купить землю, католик должен был обратиться с письменной просьбой к губернатору. Тот поручал земскому начальнику по месту жительства дворянина составить анкету, которая включала следующие пункты: 1) народность просителя по его происхождению; 2) разговорный язык семьи просителя; 3) заявление просителя о том, к какой народности он сам себя

причисляет; 4) заключение лица, которое собирало сведения, о народности просителя по всей совокупности полученных данных; 5) вероисповедание просителя. Приведем пример анкеты дворянина Гродненского уезда Сарасюка, который хотел купить 5 дес. земли. На 1-ом и 3-ем вопросах помечено – белорус. Разговорный язык семьи – белорусский, но разговаривают и на польском. Вероисповедание – католик. Заключение земского начальника о национальности просителя – белорус [13].

Понятно, что такой порядок выявления национальности дворян-католиков был сложным и приводил к злоупотреблениям со стороны местной администрации. Однако это был шаг вперед по сравнению с предыдущей практикой, когда национальность дворян определялось только по вероисповеданию.

В связи с жалобой дворянина Вилейского уезда Корвин-Саковича в Сенат на Виленского генерал-губернатора, который отказал ему в выдаче свидетельства на право покупки земли, был издан указ Сената от 21 июня 1910 г. В нем, в частности, отмечалось, что в законе от 1 мая 1905 г. нет четких признаков понятия “лицо польского происхождения”. Поэтому только члены местной высшей администрации в лице генерал-губернатора или губернатора в состоянии решить подобные дела, тем более, что они носят не юридический, а политический характер”. И далее: “Утверждение просителя Корвин-Саковича, будто по закону 10 декабря 1865 г. запрещается приобретать имения в Западном крае только лицам польского происхождения в смысле выходцев из 10 губерний Царства Польского, неправильно. Понятие “лицо польского происхождения” необходимо понимать не в смысле этнографическом, а культурно-политическом. С этой точки зрения местные уроженцы – литовцы, жмудины, белорусы и т. д. могут являться лицами польского происхождения, если они усвоили польскую национальность” [14].

Что же касается вопроса о том, является Корвин-Сакович поляком или белорусом, то Сенат дал следующее объяснение: “Применение просителем в семье польского языка и его принадлежность к римско-католической церкви, интересы которой в Западном крае часто совпадают с интересами польской

народности, дает основание отнести его к лицу польского происхождения” [15].

В 1912 г. в списках избирателей в Государственную думу от Борисовского уезда было зарегистрировано 460 дворян-землевладельцев, которые владели землей до 400 дес. Все они, независимо от вероисповедания, записаны белорусами. Им принадлежало 14 071 дес. земли, или в среднем по 30,6 дес. Среди крупных землевладельцев (73 чел.) все исключительно православные фигурировали как русские, а католики – как поляки [16].

Материалы переписи 1897 г. вносят существенные коррективы в указанный вопрос и позволяют выявить национальность дворянства Беларуси на основании сведений о его родном языке. При почти полном отсутствии в источниках данных о национальной принадлежности такой вариант наиболее приемлем. Родной язык – один из важнейших показателей этнического самосознания каждого человека. Среди потомственных дворян 35 белорусских уездов ответили на вопрос, что их родным языком являлся белорусский, это означает, что относили себя к белорусам 77 264 чел. (51,8 %). 17 168 чел. (11,5 %) родным языком назвали русский, 49 042 (32,9 %) – польский и 5 694 (3,8 %) – другие языки. Эти показатели существенно отличались в сельской местности и городах. Так, в уездах без городов процент дворян-белорусов был еще выше и составил 60,3 % (73 809 чел.), поляков – 32,1 % (39 408 чел.), а русских – меньше почти в 2,5 раза – 4,8 % (5 657 чел.). Белорусов больше всего проживало в Минской губ. – 39 917 чел. (67,7 %), Могилевской – 10 481 (61,5 %) и Виленской губ. – 16 988 (57,8 %) [17].

Соотношение по национальному признаку между представителями высшего сословия существенно изменялось в городах по сравнению с сельской местностью. Так, среди городского нобилитета белорусы были представлены только 3 455 чел. (13,0 %). Здесь доминировали русские – 11 311 чел. (42,4 %) и поляки – 9 634 чел. (36,1 %). Доля белорусских дворян была наименьшей в городах Витебской губ. (8,1 %) и наибольшей – в Виленской губ. (28,5 %) [18].

Введение с 1864 г. ограничений при приеме на службу местных представителей высшего сословия, особенно католического вероисповедания, обусловили то, что среди личных дворян и чиновников преобладали русские, которых привлекали большими деньгами за службу в “замиренном крае”. “Деньги – вот чем вместо идейности и патриотического служения интересам империи начали поощрять Муравьев и Корнилов российское учительство и чиновничество... Программа “обрусения Белоруссии” с этого момента определилась не как культурное или национальное задание, а как узко экономический, шкурный интерес тех “деятелей”, что начали с 1864 года ехать в Беларусь на теплые места, на двойные пенсии, награды, подъемные, ордена и т. д.”, – отмечал А. Цвикевич [19].

Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что официальным языком был русский. Владение русским языком являлось одним из требований при поступлении на службу. Поэтому часть местных служилых дворян отказалась от белорусского языка или просто им не пользовалась. Другие же были вынуждены делать карьеру за пределами Беларуси, обычно во внутренних районах империи. Безусловно, это не могло не сказаться на национальном составе личных дворян и чиновников. Среди этой категории в 35 уездах белорусов насчитывалось только 25,9% (6 479 чел.). Абсолютное и относительное большинство составляли русские – 12 695 чел. (50,7 %). Поляков было 4 685 чел. (18,7 %), а представителей других национальностей – 1 181 чел. (4,7 %). В сельской местности, где администрация имела непосредственное отношение к белорусскому населению и где русские чиновники служили с неохотой, доля белорусов была значительно большей. В 35 уездах без городов личных дворян-белорусов и чиновников насчитывалось 4 097 (43,0 %), русских – 2 684 чел. (28,2 %), поляков – 2 386 чел. (25,1 %). В Могилевской и Минской же губерниях представительство белорусов превышало 50 %, что составляло соответственно 945 чел. (55,4 %) и 1 517 чел. (50,5 %). Близкой к этой пропорции была численность белорусов в Виленской (48,6 %) и Витебской (45,2 %) губерниях. Только в Гродненской губ. русские преобладали абсолютно (1 010 чел.) и относительно (60,4 %) [20].

В губернских и уездных городах лидировали только русские – 10 012 чел. (64,5 %). Их количество колебалось от 57,7 % в Могилевской губ. до 70,1 % в Виленской губ. Доля белорусов и поляков была почти одинаковой – 15,3 % и 24,8 %. Только в 5 городах края преобладали личные дворяне-белорусы и чиновники (Климовичи, Мстиславль, Сенна, Сураж и Чериков) [21].

Если сравнить сведения по национальному составу и месту рождения потомственных дворян, то можно заметить интересную закономерность. В губерниях с высшим процентом местных уроженцев прослеживается абсолютное и относительное преимущество дворян-белорусов и наоборот.

Таким образом, дворяне-белорусы были местного происхождения. Если учесть, что абсолютное большинство их являлось католиками по вероисповеданию, то и носителями национального самосознания в основном как раз выступали дворяне-католики, а не православные. Последние представляли собой высшую местную администрацию и частично крупных землевладельцев.

Многонациональность высшего сословия Беларуси определялась не только наличием среди него трех основных групп (белорусов, русских, поляков), но и представителей других национальностей. На территории края в незначительном количестве проживали украинцы, литовцы, татары, немцы, евреи и другие. Так, в Минской и Могилевской губерниях переписью 1897 г. было зарегистрировано 320 (0,3 %) потомственных дворян-украинцев, 4 (0,01 %) еврея, 54 (0,1 %) латыша и литовца, 388 (0,4 %) немцев и татар – 3 435 чел. (3,7 %) [22].

Последние проживали в основном в Минской, Виленской и Гродненской губерниях. Понятно, что татар, либо ордынцев, как их нередко называли в то время, было гораздо больше. Это только те татары-дворяне, которые родным языком называли татарский. Однако известно, что свыше 7 тыс. ордынцев усвоили белорусский язык.

Таким образом, на территории белорусских губерний во второй половине XIX в. проживала третья часть потомственных дворян Европейской России. Абсолютное большинство из них являлось католиками по вероисповеданию, что стало одной из причин отнесения их правительством к «лицам польского

происхождения» или полякам по национальности. По нашим данным, не зависимо от вероисповедания, количество дворян-белорусов превосходило представителей других национальностей. Это предопределило их историческую миссию в процессе формирования белорусской нации.

Примечания

1. Статистические таблицы Российской империи. – СПб., 1863. – Вып. 2. – С. 267.
2. Там же.
3. *Корелин А.П.* Дворянство в дореформенной России. 1861–1904 гг. // Исторические записки. – 1977. – Т. 87. – С. 117, 122–123.
4. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979. – С. 40.
5. *Жытко А.П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. – Мінск, 2003. – С. 53.
6. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – С. 37.
7. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 53.
8. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – С. 298–299; *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 54.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Ф. 320. – Оп. 1. – Д. 440. – Л. 70–71.
10. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр. – Т. 10. – Отд. II. – 1865. – № 42759.
11. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА). – Ф. 1283. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 51а.
12. Там же.
13. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 1069. – Л. 6–8.
14. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 47705. – Л. 75–76.
15. Там же.
16. Списки избирателей в Государственную думу по Борисовскому уезду. Составлены Борисовской уездной земской управой 13 июля 1912 г. – Борисов, 1912.
17. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 88.
18. Там же. – С. 88.
19. *Цьвікевіч А.* “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. – Мінск, 1993. – С. 66.
20. *Жытко А.П.* Указ.соч. – С. 90.
21. Там же.
22. Там же. – С. 92.